

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н.Н. ПЛУЖНИКОВА
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
КЛЕЙТМАН А.Ю., ЩЕГЛОВА Л.В.
МОДУСЫ ЗАБВЕНИЯ
В ОНТОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ:
моногр. / Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т.
Волгоград : Изд-во Волгогр. филиала
РАНХиГС, 2012. 152 с.**

Особая текстурность, пластичность и мозаичность современной культуры позволяют не только отказаться от традиционной для европейской метафизики бинарности мышления, но и переосмыслить категории и понятия, которые в классической традиции находились на периферии философских размышлений, выделив их в особую сферу действительности. Так, проблема забвения в классической философии рассматривалась как категория, противоположная понятию памяти, или как негативное дополнение последней. Таким образом, исключался не только антропологический подход к изучению забвения, но и его рассмотрение в качестве целостной культурной универсалии. Тем не менее исследование феномена забвения позволяет прояснить не только механизмы функционирования культуры как целого, но и не менее значимую проблему – адаптацию человека перед сменяющейся мозаикой информационных потоков действительности. Именно эта задача является, на наш взгляд, одним из главных предметов философских размышлений авторов монографии А.Ю. Клейтман и Л.В. Щегловой.

В монографии «Модусы забвения в онтологии культуры» анализируются роль и место забвения в процессе формирования культурной целостности. Авторы не только определяют забвение через негативные коннотации, но и показывают позитивные аксиологические характеристики феномена забвения (забвение-прощение, забвение-очищение, забвение – душевное здоровье, забвение-творчество).

В первой части монографии освещается сущность классического и неклассического подходов к пониманию взаимосвязи памяти и заб-

вения. Если в классической философии, по мнению авторов, был задан «уничужительный ракурс интерпретации феномена забвения в качестве "пробела" памяти, ее недостаточности или дисфункции» (с. 17), то в неклассической философии, начиная с идей Ф. Ницше, забвение выступает в качестве «альтернативы памяти культуры, ставшей ненужной условностью» (с. 21). Такая стратегия рассмотрения забвения в качестве самостоятельной универсалии культуры позволяет авторам сделать его особой сферой реальности, которая может находиться за пределами рационального объяснения. Тем не менее авторы не склонны абсолютизировать забвение, превращать его в независимую от культурной памяти универсалию. Основываясь на анализе культурологических, философских и художественных текстов (М.О. Гершензона, Л. Шестова, М. Фуко, Х.-Л. Борхеса), А.Ю. Клейтман и Л.В. Щеглова считают, что память и забвение как взаимодополняющие части являются необходимыми условиями существования общества как единого целого. При этом нетривиальной и эвристической является мысль авторов о том, что забвение выступает фоном по отношению к воспоминанию и, следовательно, саморефлексии (с. 32).

Во второй и третьей частях монографии авторы рассматривают забвение в качестве одного из модусов темпоральности бытия человека и общества. В связи с этим особое внимание уделяется исследованию индивидуальной и культурной памяти. Особого внимания достойны не только проведенный авторами понятийный и методологический анализ забвения как феномена культуры, но и изучение механизмов воздействия мнемонических процессов на ход становления и поддержания персональной и коллективной идентичности.

Культурная память рассматривается авторами монографии в качестве особой системной целостности, состоящей из воспоминаний и связей между ними. Подобная исследовательская стратегия дает возможность понять место забвения и его роль в социокультурном единстве. Авторы монографии стремятся дистанцироваться от дуалистического противопоставления памяти и забвения, полагая, что не только память, но и забвение играет важную роль в процессе трансляции коллек-

тивной идентичности. Память, соотношенная с забвением, расширяет темпоральную структуру социальной реальности. Забвение является онтологическим аспектом памяти, ее субстанциональным модусом. Рассматривая память и забвение в неразрывном единстве, авторы раскрывают и противоречия современной культуры, которая, по их мнению, стремится идеологически подменить «забывание» и уйти от процессов забвения, сводя всю культурную динамику к бесконечным процессам архивирования настоящего.

Нетривиальными видятся экзистенциальный и этический подходы к проблеме забвения, которые предпринимают авторы монографии. В 4-й главе феномен забвения рассматривается в контексте персональной идентичности. Весьма необычно и неординарно звучит интерпретация забвения в русле психоаналитической доктрины, в качестве «противоядия» от «излишней памяти», условия функционирования памяти (с. 81).

Раскрывая индивидуальный подход к осмыслению феномена забвения, авторы не обходят вниманием и его этическую составляющую, рассматривая феномен забвения в контексте христианской сотериологической традиции. Значимым и интересным представляется обращение авторов монографии к библейской концепции памяти, учению даосизма, мистическим практикам понимания забвения и памяти. Выбранные социокультурные проекты не случайны, поскольку именно в них читается этическая составляющая забвения. Анализируя философские и художественные тексты, авторы связывают память и забвение с такими понятиями, как «долг», «вина», «справедливость» и «прощение».

Антропологический, экзистенциальный взгляд на забвение невозможен без рассмотрения природы творчества, к которой обращаются А.Ю. Клейтман и Л.В. Щеглова в последней главе. Рассматривая творчество как сложный амбивалентный феномен, авторы монографии на конкретных философских примерах показывают, что творчество неразрывно связано со свободой. Оно содержит в себе «бытийную устремленность личности к трансцендентному» (с. 112). Рассматривая основные особенности и элементы творчества, авторы приходят к выводу о том, что забвение можно рассматривать как источник творческого процесса, поскольку оно прерывисто, дискретно, избирательно. Оно способно отсеять ненужные детали в творческом процессе, чтобы уступить дорогу существенному.

Весьма парадоксальной кажется мысль А.Ю. Клейтман, Л.В. Щегловой о том, что и память, и забвение представляют собой травматичные для человека вещи. В связи с этим авторы обращаются к размышлениям Ф. Ницше, В.А. Подороги, В. Беньямина о том, что память и воспоминание связаны со страданием. Получается, что они разрушают личностную идентичность, но в то же время и память, и забвение, по утверждению самих авторов монографии, создают особое символическое пространство постоянного конституирования личностной идентичности. Такое парадоксальное решение исследовательской стратегии позволяет предположить, что А.Ю. Клейтман, Л.В. Щегловой не всегда удается избежать экзистенциальной интерпретации феномена забвения, в то время как речь должна идти о забвении в качестве онтологического модуса культуры.

Тем не менее, прекрасно владея методологией философского и литературного анализа источников, выявляя сложные связи между памятью и забвением, авторы монографии задают особое понимание не только феномена забвения, но и современной культуры в целом, используя забвение в качестве особого «текстуального ключа» к раскрытию амбивалентных сторон социокультурной действительности. Постоянно пребывая в содержательном пространстве выбранного предмета исследования, авторы приоткрывают завесу над функционированием всей культуры в целом, ее прошлого, настоящего и будущего, временного и вечного.

*Н.Р. САЕНКО, И.В. ЩЕГЛОВ
(Волгоград)*

ОПЫТ МНОГОСТОРОННЕГО РАССМОТРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ РОЛИ ЭКРАНА

**(рецензия на книгу: Экранная
культура. Теоретические проблемы:
сб. ст. / отв. ред. К.Э. Разлогов.
СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. 752 с.)**

Человека, который не поверил экрану монитора в 1983 г. и предотвратил третью мировую войну, до сих пор считают героем. 19 января 2006 г. в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН Станиславу Евграфовичу Петрову, советскому офицеру и подполковнику в отстав-